

Армен Медведев: "Время"

— В какие годы, кроме нынешних, вы, Армен Николаевич, не отказались бы возглавить наш кинематограф?

— Мне вообще было бы идеально прожить в другом времени. Представьте: 38-й год — я рождаюсь. В памяти три смутные цветные картинки, связанные с отцом. Его, студента архитектурного института, в 39-м забрали на польскую военную кампанию. Из первых географических названий, что я запомнил, Белосток. Там служил отец, и туда к нему ездил мама. Затем он появился на короткое время дома. Еще одна семейная картина: отец в форме. Мама его провожает, я даже не знаю, на какой фронт. Я смотрю им вслед, стоя на углу около грузинского полпредства, ныне посольства. Мы жили тогда у Никитских ворот, в Хлебном переулке. И все. Как бы было хорошо прожить иначе, лучше помять отца и так далее.

Но чувство Мандельштама "Мы живем, под собою не чуя страны..." — удел гениев, людей напряженно мыслящих, творческих. У меня осталось другое ощущение страны. Я не могу и не хочу назвать мое детство, быт моих родных, домашние разговоры, общение с приятелями — "заморозкой". Одним из самых близких друзей, которого я сохранил через десятилетия, был Валера, сын Алексея Александровича Кузнецова, расстрелянного по "ленинградскому делу". Теперь представлять смешно и страшно, что нам тогда казались роскошью их две смежные-изолированные комнаты, где жили пять человек во главе с популярной бабушкой. Там мы и собирались. Моему поколению многое, без нашей вины и желания, пришлось принести на себя. Хотя короткий период 50-60-х, до ухода Хрущева, был очень светлым, и я рад, что жил в эти годы. Хотя, наверное, лучше было бы прожить молодость в другое время, скажем, сегодня.

Так и с кино. В эпоху тоталитаризма я сидел в этом кресле король-король и только — правда, это "только" определяло судьбу — прислушивался бы к советам и замечаниям ЦК КПСС. Мои предшественники, в том числе Филипп Тимофеевич Ермач, которому мы многим обязаны, жили под этим топором. Так что я не знаю, было ли время более удачное, более удобное, чем мое. Сейчас есть свои проблемы, но есть и ощущение, что рядом, вокруг тебя, с твоим участием происходит что-то созидательное. Я не хочу выглядеть в ваших глазах пионером-тимуровцем, который с удовольствием делает то, что он делает, но в итоге, отвечая на вопрос, прихожу к выводу, что нет идеального времени, в котором человек чувствовал бы себя идеально хорошо.

Одно я могу сказать за последние шесть лет, что возглавляю Комитет, не было ни одного утра, когда мне не хотелось бы на работу. Практически, если не считать пары случаев.

— Вероятно, не в последнюю очередь потому, что вы избавлены от запретительных функций. Вероятно также, что у вас профессионального критика, рождаются внутренние замечания. Какие внешние формы они приобретают?

— Являясь председателем экспертного жюри, я имею два голоса, которыми могу воздействовать, чувствовать — "вот это нехорошо". Кроме того, могу воздействовать убеждением.

Была ситуация — в которой считаю себя правым и сегодня, — когда мой друг, близкий еще со студенческих лет, прислал сценарий, сказав, что хотел бы к своему шестидесятилетнему сделать фильм. Я честно ему ответил, что будет лучше не сделать фильм к юбилею, чем сделать плохой. Это уже другая система координат и человеческих отношений. Но я не считаю, что просто нажимаю кнопку на некоем конвейере, который движется, а я уже не могу сунуть туда руку, боясь ее потерять. Нет.

Еще в советские времена я говорил о необходимости изменений в системе Госкино, всегда работавшей по принципу сита — пропуска через ячейки. Я стараюсь способствовать тому, чтобы государственная система работала по принципу магнита, притягивающего таланты.

— А государство не видит, что за индустрией развлекений скрыты и идеологический механизм, и статья дохода? Не понимает или не верит в это?

— Начинает понимать. Но понимание рождается не на федеральном уровне, где главным образом приходится идти на спортивную демагогию, напоминать о тех временах, когда "наука юношей питала" и "давала отряду старцам". Понимание приходит из регионов. Я очень ценю фразу казлужского губернатора Валерия Васильевича Сударенкова: "Поэтому мы включаем в свои планы ремонт

Всем известно: министры — это очень важные люди, облеченные властью. Наш министр, Председатель Государственного комитета Российской Федерации по кинематографии Армен Медведев властью обречен. На необходимость управлять неуправляемым, делить за малостью неделяющееся, вытягивать глубоко увязшее, собирать и охранять расположающееся, растаскиваемое, убеждать тех, кому вообще не до этого, и тех, кому сильно до этого, но зато у каждого из них про это свое особенное мнение и нужно выслушивать и примирять разнообразные претензии и амбиции, которые к тому же непременно озвучиваются и становятся достоянием гласности, потому что кто, как не кинематографисты — мастера озвучки и огласки.

Еще он обручен. В горе и в радости, в болезни и в здравии. В изобилии и когда финансы поют жестокие романсы. Не властью, но всей жизнью обручен с этим — самым массовым, самым кассовым, но массовым, не кассовым, всенародно любимым, всенародно ругаемым, опять любимым, опять гонимым, великим, малым, игровым, неигровым, жанровым, авторским, немым, звуковым, цветным, черно-белым. С этим капризным, как столетняя старуха, жилистым, как столетний старик, вроде бы умирающим, но с каждым кадром, снятым желторотым вилковцем, рождающимся вновь. С этим, на которое денег нет, а без него нам все равно никак нельзя, с этим бюджетным, внебюджетным, не лезущим в бюджет, секвестированным, с этим Российской Федерации... нет, не то, что вы подумали: не с Госкино — с самим Кино. Развести их нельзя. Поэтому, Армен Николаевич, наш облеченный, обреченный, обрученный, наш многоуважаемый и любимый министр, с вашим шестидесятилетием мы Вас от души поздравляем. Здравствуйте! Будьте здоровы!

РЕДАКЦИЯ "ЭС"

школ, но не включаем заботу о кинотеатрах?" Ведь действительно не Госкино от щедрот своих кормило учителей и врачей, кормили кинозалы: 55 копеек с рубля шли во внешний бюджет.

Но существует не только меркантильный интерес. Благодаря заботе местных властей четырехсотместный кинотеатр в Тарусе является лучшим залом города, средоточием Рихтеровских фестивалей, Цветаевских чтений, Дней Паустовского. Я спросил у мэра: "Это подкармливает город?" Он сказал: "Нет, но создает атмосферу в нашем городе."

— Возвращаясь к теме критика в министерстве: возможно ли, чтобы столь высокое место за столь долгое время не "прикрусили" человека?

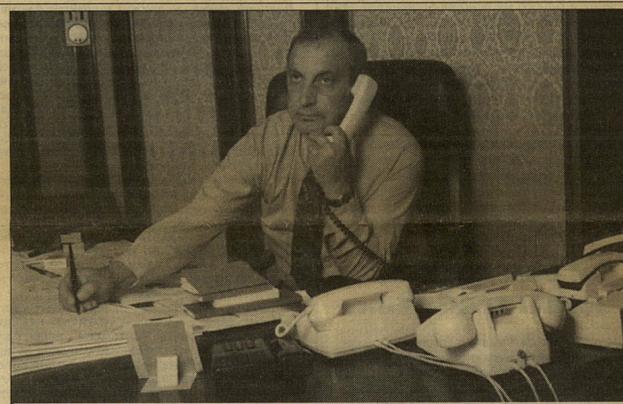
— Я не знал другой жизни. В 55-м году поступил во ВГИК, мечтая стать режиссером. Сдал экзамены и был принят к Александру Петровичу Довженко. На один курс с Ларисой Шепитько, Георгием Шенгелая, Отаром Иоселиани, Ритой Касымовой, Виктором Туровым и другими. После первого семестра педагоги сообщили, что у меня не получается. Позднее я узнал о решении Александра Петровича Довженко и ректора — сохранить меня в институте как человека полезно для кино. Я остался на киноведческом.

Это был трудный период, первое и сокрушительное поражение в моей жизни. Но, слава Богу, я понял, что быть режиссером не могу. За пять лет моего обучения во ВГИКе произошло целое поколение кинематографистов. На следующий курс режиссеров поступили Василий Шукшин и Андрей Тарковский. Затем Фрунзе Довлатян и Кирилла Мурадова, затем Алексей Сахаров, Эльдар Шенгелая и так далее. Также могу перечислить актеров, операторов, сценаристов. Все наши современные классики — операторы, драматурги выросли в мое студенчество. Поэтому 55-й год я считаю временем своего прихода в кинематограф.

43 года в кино и другой жизни у меня не было. Мне и легко, и порой трудно. Мы с товарищами остались на "ты". Иногда легче ответить официально: "господин, простите". Иногда проще говорить с сидящим напротив. Глупо, если бы было иначе. Со служебным повышением повышается доля ответственности. Неизбежен и мусор, разговоры, возникающие и попадающие в прессу: "Медведев помогает своим друзьям". Как-то я ответил публично: "Две трети кинематографа мои друзья — что мне делать?"

— Из числа тех, с кем вы не встретились, кого бы хотели пригласить на обед?

— Из нынешних мне довелось обедать с Клавдией Кардинале, почувствовало бы быть на приеме у Феллини, в гостях у Антониони. Может выстроится коллекция. Если говорить о наших, то я в этом смысле одарен судьбой. Семь лет работы в Бюро пропаганды советского киноискусства дали запас знаний людей кинематографа практически на всю жизнь. Трудно сказать, с кем я не встретился. Назовите любое имя из классики кино, и окажется, что я пересекся, был рядом. Неутраченных желаний нет. Хотел бы назвать Николая Дмитриевича Мордвинова,

Будни

но тоже встречались. Хотелось бы поглядеть поближе на Фаину Георгиевну — этого было мне дано.

— Путь из критики в режиссуру не удивителен. Вы проделали обратный. Знаете ли вы примеры добровольного перехода?

— Есть, но из времени, когда все было иначе. Один из любимых моих и важнейших учителей Николай Алексеевич Лебедев, бывший в мое поступление ректором института, заведующим кафедрой киноведения, замечательным ученым, в молодости начинал как режиссер документального кино. Был одним из наиболее мыслящих, концептуальных режиссеров. Второй пример, классик нашего кино Александр Вениаминович Мачерет, начавший как режиссер, и продолживший работать в кино как исследователь, критик, редактор.

— А вам не доводилось сомневаться в самостоятельности профессии критика, если фраза творцов "Я рецензии не читаю" стала расхожей. И наоборот, довелось наблюдать как "слово отозвалось"?

— Показателем обилием таких случаев не могу, чтобы были. Помню звонок Игоря Васильевича Таланкина, после рецензии на фильм "Звездолет". Помню звонки порознь и разделенные временем Виктора Мережко и Никиты Михалкова после рецензии на "Родно".

— Очевидно рецензии были положительными?

— Мережко так определил: следовательно шел по следам преступника. Конечно, все люди откликаются на похвалу, доброе слово проникновеннее. Я не считаю себя биографом Сергея Шакурова, но как-то написал о его роли в "Сибиряках" или другом фильме. Вдруг, встретив меня в коридоре этого здания, где я еще не работал, он сказал: "Спасибо, вы очень точно обо мне написали". Не скрою, для меня и сейчас отчасти загадка: что же я так написал?

— То есть критические комплексы не ис-

Журан и смена

мы не выбираем"

сифовны Туровской, но доведенный до конца. Она составляла сравнительную хронологическую таблицу: что было признано официальным достижением советского кино и что на самом деле смотрели зрители. Например, сейчас мало кто вспомнит "Зигмунда Колосовского", один из шлягеров конца войны. Это героическая комедия, построенная на перевоплощении героя-подпольщика. Я не знаю, подпитала бы она меня чем-то, посмотрел я ее сегодня, но легенда, которая родилась, живет во мне и я не хочу ее разрушать. Я бы сказал: кино не скорпортационный продукт, и его консервируемость — это сохранение в душе. От мамы я много слышал о таких фильмах, как "Праздник святого Иоргена", "Процесс о трех миллионах", и я же стал свидетелем, как в кинотеатр "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А в самом кинозале с вами случались "истории", ставшие судьбой?

— Примерно в пятном классе — в кинотеатре "Ар" воспомет Рыбаковым, ставшем потом "Наукой и знанием", а теперь видеоклубом. Я сижу — не помню что смотрел, — и вижу девочку в загоревшем свете проктора. После фильма иду за ней как зарочаванный, на расстоянии десяти шагов, подойти не смею. Идем по старому Арбату, пересекаем Садовую, Бородинский мост. У Киевского вокзала она входит в троллейбус, я за ней, не подходя, не стараюсь знакомиться или привлечь внимание. Едем-едем. Она выходит на остановке "Потылиха", я тоже выхожу на остановке "Потылиха". И вдруг выясняется, что я у стен "Мосфильма". Тогда еще не было сада Довженко, огрady, а было почему-то раскинуто до жути поле, так что я там потерял галашу. Перед студией, ныне директорским корпусом — открытое пространство. И я забыл про девочку и куда она ушла, остолбенев, стоял перед этим "Мосфильмом". Уже потом прочел в "Одноэтажной Америке" определение Эдизнштейна: "Знаменитая кинодевушка Потылиха безобразно раскинулась на живописных берегах Москва-реки".

— Ваша творческая биография началась со знаменитого московского детского театра или актива. Кто определял эти первые шаги?

— На книге Станиславского "Моя жизнь в искусстве" моя мама написала: "Дорогой сынок, желаю тебе идти по пути, избранному тобой". Эта надпись относилась к моему пятому классу. Так что желание идти по этому пути довольно рано оформилось. Сестра моя, моя любимая тетя, была филологом. В доме преобладали гуманитарии, люди из МИГУ. Для меня не существовало выбора

кино время распоряжается очень причудливо. Все, что я смотрел и помнил, и есть та самая подпитка. Мы много посмотрели во ВГИКе. Когда произошел бум открытия творчества Барнета, в частности фильма "Окраина", наши педагоги нас уже к нему приобщили.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— Среди первых фильмов "Веселые ребята" и "Сердца четырех", из зарубежных "Джордж из Динки-джаза". Затем "Молодая гвардия" и "Смелые люди". После войны как новый фильм, поскольку не было телевидения и ретро-показа, мы смотрели "Петра Первого" в клубе МГУ, что теперь отделился от церкви.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

— А вы помните, как в кинотеатре "Повторный" стояли многочисленные очереди. Дело тонкое и небезопасное, ободоострое. То ли ты выйдешь на эту легенду и она сомкнется с тем, что ты сегодня чувствуешь, то ли ты испытаешь разочарование.

...и праздники

Журан и смена

яне Самойловой, но это особый случай. Любимая актриса Нонна Мордюкова.

— В ком вы видите современного героя?

— Я бы назвал Олега Янковского героем последнего поколения. Само мучительное сегодня — это процесс самоидентификации народа и творцов. Одна из загадок нашего кино — фильм "Чапаев". Вот объясните мне, почему народным героем стал не образцово-показательный командир Фурманов, а анархист Чапаев? Почему Петр Алейников вошел в сознание целых поколений будучи нерасканным хулиганом, даже — в отличие от своего друга Харитониш в исполнении Бориса Андреева — так до конца и не переквалифившимся, в фильме "Большая жизнь". Почему в более поздние времена народным любимцем становится Банионис, сыграв сына хулиганского сапожника в "Никто не хотел умирать", а красавец Бруно Уа уходит из памяти. Отношения фильма и зрителя значительно сложнее, чем нам иногда представляется.

— Я полагаю, таким героем мог стать Сергей Макогонский и его персонажи. Таким героем может стать Владимир Машков, если про него перестанут писать глупости, и он сам в них верит.

— Одна из ревизионских нас организаций записала: "Почему вы не делаете добрых фильмов о новых русских, тогда они давали бы деньги для кино?"

— Какой из увиденных в последнее время фильмов вам понравился?

— "Титаник", "Вор". "Мы дети твои, Москва! Праздник" Владимира Хотиненко — пирищево большого экрана.

— Что запомнили вы в первой главе учебника, обучающего искусству кино?

— Я бы танцевал от Героя. Ошибки многих режиссеров последнего десятилетия — отсутствие героя. Я недавно цитировал формулу Олеси о том, что наибольшей любовью зрителей пользуется тот, кто выходит на сцену, чтобы сказать: "Не бойтесь". Правда, здесь возможна манипуляция сознанием — мало ли чего не бойтесь? Не бойтесь, фюрер думает за вас. Но я бы, возвращаясь к несоответствию опыту Майи Иосифовны, очень внимательно и вдумчиво посмотрел: что на самом деле смотрит зритель. Как совершенно необязательно совпадают понятия патриотизма, высокой идеи духовности с рубриками фильмов, которые мы можем предложить зрителю даже из нашего прошлого. Надо отказаться от мысли, что если мы покажем новое русское хорошо — к нему так же начнут относиться.

— Вы когда начинали говорить о влиянии низкопробного американского кино, а вспоминаю отца, дай Бог ему здоровья, моего друга Бори Бернера, одного из нескольких людей, которых я знаю с 45-го года. Так вот Исаак Бернер прошел войну, причем так был пробит, что на нем мало осталось живою места. А хранил он с детства фотоальбом, где не было кадров из "Чапаева" или "Броненосца "Потемкина", а были Конрад Фейдт, Дуэлас Фарбенк и прочие. Вот живое подтверждение мнимости антипатриотических воспитательных влияний.

— Следует принять реальность как данность. Я написал бы главу об уроках парадоксов или парадоксов уроков.

— Кино служило для вас проводником во внешний мир?

— Благодаря кино я, конечно, сохранил со многими людьми. Особенно в последние годы мне пришлось незаслуженно принять по-настоящему по кинематографу от самых разных людей — от губернаторов, и проводников поездов, официантов и барменов в аэропортах. Если меня узнавали, я понимал, что это радость не потому, что узнали меня, а потому, что это связь с кино. Это постоянно сопровождало меня.

— Не все это понимают, иногда это удивляет: кино — совершенно особый мир. Впрочем, я с этой точки зрения почти не знаю мир театральный. Но когда меня спрашивают: "дружат ли кинематографисты?" — я горю "дружат". Я называю — именно потому, что это принадлежит прошлому — Леонида Быкова. Я имею право назвать себя человеком близким ему и его близким мне. И смею говорить об особом расположении. Но это не проявлялось в стандартных повитых домолетах, на фестивалях, в номерах гостиниц, когда в дуэтом номере на многочисленной трепе собирается десят человек. Для меня это классический и объясняющий пример кинематографических отношений. Кинематограф — это качели, перемещение, передвижение.

Беседовала Алиса ХМЕЛЬНИЦКАЯ